

ПРОБЛЕМНЫЕ ПОЛЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТИЖЕНИЯ

В.Г. Туркина

Белгородский институт

культуры и искусств

Проблемное поле культурологии продолжает оставаться обширным и перспективным пространством научного поиска. Авторы учебников и учебных пособий ставят себе целью помочь учащемуся сориентироваться в реальности культурологии, то есть той полемике, которую ведут культурологи, а также основных подходах, парадигмах, проблемах, этапах становления культурологии как научной дисциплины. Кроме того одним из требований современного подхода к образованию в области гуманитаристики является ознакомление студента с основными типами культурологической практики.

При этом повышенное внимание уделяется рассмотрению фрагментированного личного опыта в процессе создания культурных картин мира, проблемам создания и репрезентативности социально-культурной и культурно-исторической реальности. В настоящее время в российской культурологии стали заметно утверждать себя такие научные области как культурная история, локальная культура, культура повседневности. К числу позитивных тенденций также следует отнести повышенное внимание исследователей к возможностям междисциплинарной разработки современных культурных форм и социально-культурных практик в рамках преподавания культуры повседневности.

Чем же так привлекательна эта область научного знания? Ведь еще совсем недавно в рамках марксистской науки обращаться к вопросам обыденного человеческого опыта, заключавшегося в реализации жизненных практик человека, казалось не стоящим внимания сколько-нибудь серьезных исследователей. Как отмечает Б. Марков, удовлетворяя извечный вопрос о смысле человеческого существования, философия «обычно уводит в поисках ответа в заоблачные выси: к идее человека и высшим ценностям»¹ Современный взгляд на культуру повседневности диктуется не только потребностью преодоления определенного философского наследия. Анализ исследований по этой проблематике приводит к мысли о том, что знание структур, определяющих образ и стиль жизни людей, дает возможность понимания и прогнозирования значительной части поведенческих стратегий и практик последних. Поведение достаточно точно отражает специфику определенной исторической эпохи и происходящие в ней изменения. Оно,

¹ Марков Б. В. Культура повседневности. СПб., 2008. С.5.

сформировавшись на основе ценностно-нормативных систем, выступает как «ключ» к прочтению смысла конкретной исторической эпохи.

Анализируя историко-культурный процесс, мы сталкиваемся с калейдоскопом поведенческих правил, которые определяют взаимоотношения старших и младших, мужчин и женщин, правителей и подданных. При этом каждая историческая эпоха формирует свои доминирующие модели поведения. Изучение поведенческих текстов позволяет проследить за происходившими изменениями в глубинных пластах культуры конкретной исторической эпохи. Изучая повседневность, через господствующие нормы поведения, мы воссоздаем неповторимый колорит прошедших эпох. Анализ повседневности показывает нам, с чем мы можем столкнуться, и с чем следует считаться, особенно в социальной практике.

Кроме поведенческих установок, норм и правил повседневного проживания в «зоне особого внимания» исследователя повседневности неизбежно оказываются искусство и познание, мораль и насилие, сознательное и бессознательное, рациональное и эмоциональное, тесно переплетенные в повседневной жизни. Интересным представляется то обстоятельство, и в этом мы солидарны с Б. В. Марковым, признанным мастером в этой области научных исследований, что культура повседневности как сфера интересов исторической антропологии, позволяет «избавиться от слишком абстрактных схем и моделей, которые вынуждены принимать представители теоретической науки. Историческая антропология выводит нас в мир жизненных практик, где люди не только познают, но и рождаются и умирают, радуются и страдают¹. Частная жизнь людей, повседневные практики больше всего занимает современных историков культуры, да и привлекают историков-«событийщиков». Научно перспективным признано заострение внимания на жизненных стратегиях и практиках повседневного существования индивида в конкретно-исторической среде. Однако оказалось, что эти феномены, представлявшиеся теоретикам незначительными, вторичными, не только автономны, но и весьма трудны для понимания. По отношению к ним плохо работает тяжелая артиллерия «сущностей», «смыслов», «целей», «законов» и других понятий, используемых в событийной истории для поиска общих закономерностей исторического процесса.

Таким образом, изучение культуры повседневности оказывается чрезвычайно увлекательной задачей. Кроме того, обозначенные перспективы имеют научное и педагогическое значение. Область исторической антропологии – культура повседневности понимается нами как многослойный процесс, который воспроизводится и, в первую очередь, трансформируется теми, кто является одновременно и объектами истории, и ее субъектами, что и вызывает, на наш взгляд, к пониманию культуры

¹ Марков Б.В. Там же. С.17.

повседневности как области не столько абстрактного, сколько конкретного знания. Важной задачей этого процесса выступает перенесение акцентов исследовательского взгляда с макроисторических процессов на проблемы микроистории. Мы предлагаем изучать не столько историю культуры с напластованиями прежних интерпретаций, сколько культурную историю социального, в компетенции которой находится культура повседневности, интегрирующая в себе макро- и микроаналитические дискурсы различных дисциплин.

При этом преподавательский опыт подсказывает необходимость уточнения некоторых педагогических позиций относительно изучаемого предмета. Нам представляется актуальным рассматривать культуру повседневности, как интердисциплинарное пространство, использующее для достижения научной и методологической цели как возможности антропологического подхода 1980-х г.г., лингвистического и семиотического подходов (методов) 1990-х г.г., так и фундаментально-мировоззренческие парадигмы истории и философии.

В рамках интер- или междисциплинарности, происходит переосмысление рациональности как фундаментальной категории западного образа мышления. Этот пересмотр традиционных принципов строения научного знания сопровождается утверждением нового образа рационального социально-гуманитарного знания — открытого, изменчивого, полицентричного, выстраиваемого на основе свободного, осознанного выбора исследователем теорий, подходов, языков, дискурсов.

В частности, это касается практикуемой до последнего времени модели образования. Традиционная конвейерная модель, принятая в российских ВУЗах и ориентированная, прежде всего, на передачу знаний классических образцов из наук и искусств, на сегодняшний день явно исчерпала свой потенциал. Формула Я. Коменского — «образование формирует знание» — все более становится архаичной. Сегодня очевиден тот факт, что энциклопедизм не спасает, если человек не умеет применять свои знания в ситуации вызовов и сложных проблем современности.

Основным содержанием современного образования будут выступать не знания, а компетенции и свободная ориентация в многоликой реальности, а также технологии и техники деятельности, мышления, способность к обучению, пониманию и т.д.. Современные исследования демонстрируют огромную роль и других интеллектуальных средств, среди которых авторы (В. Розин, в частности) называют категории, понятия, схемы, теоретические построения, концепты, гипотезы, нарративные представления, онтологические построения, конструкты, проекты. Все большее значение в образовании приобретают рефлексивные представления, начиная от простейших форм отображения собственной

деятельности, заканчивая сложными методологическими способами мышления.

Этот «технологический» процесс в образовании дополняется принципом компетентностной модели обучения дисциплинам гуманитарного цикла, предложенных в свое время В.С. Степиным¹ и показавшим свою перспективность.² Мы исходим из убеждения, что конечной целью и итоговым показателем эффективности преподавания является выработка у студентов широты их интеллектуального кругозора, а также неких общегражданских качеств, которые в своей совокупности характеризуют меру ответственного отношения к себе и окружающим.

Компетентностная модель основана на базовой педагогической установке философского отечественного образования, которая ориентирует не на механическое заучивание, а на личностно заинтересованное, участное освоение, продолжает и развивает ее.³ Предлагаемые компетенции – категориальное видение мира, умение дифференцировать различные формы его освоения, творческое мышление, способность к генерации новых идей; системный взгляд на явления общественной жизни и собственной профессии; сценарное видение будущего, ориентация в мире ценностей, способность к этической экспертизе различных проектов, межкультурная компетентность и толерантность, индивидуально-ответственное поведение – могут быть сформированы в процессе изучения и освоения как традиционной модели образовательного процесса, так и, что нам представляется более перспективным, проектной деятельности обучающихся.

Проектная деятельность предполагает, по нашему мнению, выстраивание индивидуальных траекторий исследовательского творчества обучающихся, имитационное моделирование различных ситуаций, очерченных пространством повседневной культуры, как прошлого, так и настоящего. Итогом такого активно-деятельностного вторжения в пространства повседневной культуры и его освоения может стать создание интерактивных проектов. Как же это может помочь в освоении обозначенного предмета – культуры повседневности?

Опыт сотрудничества преподавателей, студентов Белгородского государственного института культуры и искусств показывает плодотворные перспективы рассмотрения проблем повседневности, в том числе научные, образовательные, просветительские, которые возникли в процессе создания и реализации просветительского проекта «Дом».

Нет сомнения в том, что человек, для которого природа, скорее мачеха, чем мать, – существо слабое, плохо приспособленное к

¹ Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования. Минимум содержания образования по гуманитарным и социальным дисциплинам / Под ред. В.С. Степина, В.Д. Шадрикова. М., 2005. С.5.

² См. ФГОС 3 го поколения

³ Там же.

естественной окружающей среде. Он созревает в искусственной среде обитания. Это место издавна зовется домом, и его границы постоянно расширяются по мере увеличения семьи, племени, этноса, народа.

Взяв за основу представление о доме как фундаментально-онтологической базовой константе бытия человека, участники проекта создали уникальный информационный, мультимедийный ресурс, раскрывающий семантику такого привычного явления жизни, как дом.

Сущность предлагаемого проекта состоит в стимуляции восприятия субъектом объектов, которых реально перед его глазами нет. Виртуальное киберпространство создает, если и не совсем новые, то более богатые возможности для зрителя, который выступает одновременно и участником происходящего на экране.

Он прослеживает алгоритм поэтапного проектирования культурного пространства дома как ценностно-нормативной системы, кроме того, к рассмотрению предлагаются социально-психологические особенности дома как символа культуры. Дом представлен как пространственно-временной мир предметов и вещей, созданный человеком и приспособленный к его масштабам. Организация этого мира, духовное пространство человека, подвергались изменениям за счет освоения все нового пространства и превращения его из «чужой» в «свою» сферу обитания, гармоничную, противостоящую внешнему хаосу, создающую атмосферу определенного и безопасного бытия.

Рассматривая феномен дома с историко-генетической точки зрения, проект дает возможность проследить, как человеческий дом превращался из хижины во дворец, всегда оставаясь освоенной человеком территорией и самым древним типом жилья, из которого впоследствии выросли такие территориальные образования, как поселок, город, государство.

Помня утверждение А.Щюца, что «повседневность предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать...»,¹ и, создавая схемы повседневной истории, мы с неизбежностью включаемся в *междисциплинарный диалог* гуманитарных, общественных и естественных наук. Именно такой подход позволяет осуществить «прочтение» структур повседневности, в которых формируются вербальными, визуальными, и другими средствами ценностно-символические, ментальные, образы мира, обладающие упорядочивающим и стабилизирующим влиянием на образ жизни и сознание человека.

¹ Щюц А. Структуры повседневного мышления. М., 1988. Т.2. С.130.